

В. М. Дианова, Ю. Н. Солонин

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ

**УЧЕБНИК
ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО БАКАЛАВРИАТА**

4-е издание, переработанное и дополненное

Рекомендовано Учебно-методическим отделом высшего образования в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям

Рекомендовано УМО по образованию в области историко-архивоведения в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Культурология»

**Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru**

Москва ■ Юрайт ■ 2018

УДК 008(075.8)

ББК 71.1я73

Д44

Авторы:

Дианова Валентина Михайловна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета — предисловие; гл. 1 (1.3); 2–5; 7 (7.1–7.4); 8–11; 13; 16–19; 21–31;

Солонин Юрий Никифорович — доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации — предисловие; гл. 1 (1.1, 1.2); 6, 7 (7.5); 12; 14; 15; 20; 32; 33.

Дианова, В. М.

Д44 История культурологии : учебник для академического бакалавриата / В. М. Дианова, Ю. Н. Солонин. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2018. — 471 с. — (Серия : Бакалавр. Академический курс).

ISBN 978-5-534-08532-7

Предлагаемый учебник представляет основные концепции культурологии, сложившиеся в западной и отечественной гуманитарной мысли в период с XV до начала XXI в., которые, собственно, и составляют историю становления этой науки. Несмотря на то что многие из них возникли в европейской культуре в начальный период ее формирования, они не утратили своей научной значимости до настоящего времени и, хотя претерпели значительные изменения и корректировку, содержат в себе безусловный эвристический потенциал.

Учебник соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для бакалавров, обучающихся по направлению подготовки «Культурология», а также для студентов других гуманитарных направлений.

УДК 008(075.8)

ББК 71.1я73

Разыскиваем правообладателей: <https://www.biblio-online.ru/inform>

Пожалуйста, обратитесь в Отдел договорной работы: +7 (495) 744-00-12; e-mail: expert@urait.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

© Дианова В. М., Солонин Ю. Н., 2013

© Дианова В. М., Солонин Ю. Н., 2014,
с изменениями

© ООО «Издательство Юрайт», 2018

ISBN 978-5-534-08532-7

Оглавление

Предисловие	11
-------------------	----

Раздел I. ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Глава 1. Из истории формирования культурологического знания	19
1.1. Формирование представлений о культуре.....	19
1.2. Дисциплинарное пространство культурологии и возможность конструирования ее истории.....	24
1.3. К проблеме самоопределения культурологического дискурса.....	30
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>35</i>
<i>Литература.....</i>	<i>36</i>

Раздел II. СТАНОВЛЕНИЕ ЦИКЛИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ЭВОЛЮЦИИ КУЛЬТУРЫ

Глава 2. Циклы в учении Дж. Вико и его предшественников	39
2.1. Идея циклов в эпоху Возрождения.....	40
2.2. Циклы Дж. Вико и взаимосвязь их составляющих	41
2.3. Периоды «варварства».....	43
2.4. Дж. Вико как аналитик и критик некоторых тенденций современной ему эпохи	46
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>49</i>
<i>Литература.....</i>	<i>49</i>
Глава 3. Циклический подход в оценках последующих мыслителей.....	50
3.1. Распространение идей Дж. Вико в Европе.....	50
3.2. Оценка идей Дж. Вико в России	53
3.3. Применение циклического подхода в различных областях культуры	60
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>62</i>
<i>Литература.....</i>	<i>62</i>

Раздел III. ПРОЕКТ ПРОСВЕЩЕНИЯ: ЕГО АВТОРЫ, АДЕПТЫ И ОППОНЕНТЫ

Глава 4. Проект Просвещения	65
4.1. Основные идеи эпохи Просвещения	65
4.2. Концепция линейного развития Ж. А. Кондорсе.....	68
4.3. Ж.-Ж. Руссо как просветитель-«еретик»	71
4.4. Проект Просвещения в оценках последующих мыслителей.....	73
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	75
<i>Литература</i>	76
Глава 5. И. Г. Гердер: просветитель или контрпросветитель?	77
5.1. Своеобразие дискурса И. Г. Гердера.....	78
5.2. Структура сочинения «Идеи к философии истории человечества».....	79
5.3. Причины формирования культурного многообразия и проблема преемственности.....	81
5.4. И. Г. Гердер — обличитель некоторых просветительских тенденций.....	85
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	88
<i>Литература</i>	88
Глава 6. Культурологические идеи Просвещения в интерпретации польских мыслителей.....	89
6.1. Основания и истоки культурологических идей польского Просвещения	89
6.2. С. Сташиц о культурных фазах развития человеческого рода	92
6.3. Социокультурные идеи в философии Г. Коллонтая.....	93
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	96
<i>Литература</i>	96
Глава 7. Культурологическая концепция романтизма как реакция на эпоху Просвещения	97
7.1. Противоречивые оценки эпохи романтизма.....	98
7.2. Духовные отцы романтизма	100
7.3. Культурный релятивизм.....	104
7.4. Соотношение художественного, научного и философского познания.....	107
7.5. Философия культуры польского романтизма и мессианизма.....	110
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	115
<i>Литература</i>	116

Раздел IV. ЭВОЛЮЦИОНИЗМ КАК КОНЦЕПЦИЯ В КУЛЬТУРОЛОГИИ. НЕОЭВОЛЮЦИОНИЗМ

Глава 8. Эволюционизм.....	119
8.1. Общие идеи эволюционистской концепции.....	119
8.2. Эволюционистская концепция Г. Спенсера	121
8.3. Причины умаления роли эволюционного подхода к концу XIX века	124
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>126</i>
<i>Литература.....</i>	<i>126</i>
Глава 9. Неоэволюционизм	127
9.1. Теория эволюции Л. Уайта.....	128
9.2. Эволюционизм против антиэволюционизма.....	130
9.3. Разнообразие эволюционизма. Синергетическая модель эволюции.....	132
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	<i>136</i>
<i>Литература.....</i>	<i>136</i>

Раздел V. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРЫ

Глава 10. Теория культурно-исторических типов Н Я. Данилевского	139
10.1. Типология цивилизаций и их взаимодействие	140
10.2. Оригинальная трактовка прогресса	143
10.3. Характеристика взаимоотношений западной цивилизации и России	146
10.4. Оценки концепции Н. Я. Данилевского	147
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	<i>150</i>
<i>Литература.....</i>	<i>150</i>
Глава 11. Морфология культуры О. Шпенглера	151
11.1. Стиль книги «Закат Западного мира».....	152
11.2. Методология О. Шпенглера	155
11.3. Морфология культуры.....	156
11.4. Культура и цивилизация.....	159
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	<i>161</i>
<i>Литература.....</i>	<i>161</i>
Глава 12. Наука о цивилизации Ф. Конечны.....	162
12.1. Истоки и методические постулаты концепции Ф. Конечны.....	162
12.2. Базис науки о цивилизации	164

12.3. Множественность цивилизаций — плюралистическая схема Ф. Конечны	166
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	169
<i>Литература</i>	170
Глава 13. А. Дж. Тойнби о типологии и генезисе цивилизаций	171
13.1. Классификация цивилизаций	172
13.2. Условия развития цивилизаций.....	176
13.3. Причины распада цивилизаций.....	177
13.4. О надломе западной цивилизации.....	179
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	183
<i>Литература</i>	183
 Раздел VI. ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ТРАКТОВКИ КУЛЬТУРЫ 	
Глава 14. Позитивизм в культурологии и формирование естественно-научного мышления	187
14.1. Черты культурологии в учениях польских позитивистов.....	187
14.2. Особенности естественно-научного мышления	191
14.3. Линии развития культурологии как ветви естествознания	194
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	197
<i>Литература</i>	197
Глава 15. Концепция культуры в этногеографии	198
15.1. Методологический смысл географизма.....	199
15.2. Проблема культуры в этногеографии В. Г. Богораза	200
15.3. Идея культурных кругов.....	205
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	207
<i>Литература</i>	207

Раздел VII. ЦИКЛИЧЕСКИ-ВОЛНОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Глава 16. Типы социокультурных суперсистем и социокультурная динамика П. А. Сорокина	211
16.1. Формы культурной интеграции	212
16.2. Типы социокультурных систем	214
16.3. Главные тенденции времени	216
16.4. Динамика культуры	219
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	222
<i>Литература</i>	222

Глава 17. Конфигурации культурного роста	
А. Л. Крёбера.....	223
17.1. Предшественники в оценках А. Л. Крёбера.....	223
17.2. Культурные модели	226
17.3. Концепция стиля.....	230
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>232</i>
<i>Литература.....</i>	<i>233</i>

Раздел VIII. АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ

Глава 18. Критическая концепция культуры	
Ф. Ницше	237
18.1. Критическая оценка культуры.....	238
18.2. Идея сверхчеловека.....	240
18.3. Культура будущего.....	243
18.4. Идея вечного возвращения.....	245
18.5. Наследие Ф. Ницше в оценках российских и западных мыслителей.....	246
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>249</i>
<i>Литература.....</i>	<i>250</i>
Глава 19. Сущность и «трагедия культуры» в трактовке Г. Зиммеля	251
19.1. Идея жизни	251
19.2. Понятие «культура».....	253
19.3. О «трагедии культуры»	255
19.4. Объективная культура: соотношение мужского и женского.....	256
19.5. Причины кризиса культуры.....	259
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>261</i>
<i>Литература.....</i>	<i>261</i>
Глава 20. Ф. Знанецкий и его учение об упадке западной цивилизации	262
20.1. Социокультурный контекст формирования учения	262
20.2. Культура как мир ценностей	264
20.3. Культура: ее происхождение и упадок	266
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>269</i>
<i>Литература.....</i>	<i>270</i>
Глава 21. Критическая теория Франкфуртской школы.....	271
21.1. Культурологические исследования в творчестве В. Бенямина.....	272
21.2. Критическая теория М. Хоркхаймера и Т. Адорно.....	274

21.3. Анализ культуры в творчестве Т. Адорно	276
21.4. Культурологические исследования в творчестве Г. Маркузе	278
21.5. Культурфилософия Ю. Хабермаса	279
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	282
<i>Литература</i>	282

Раздел IX. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРЫ

Глава 22. Психоанализ З. Фрейда	285
22.1. Характеристика психики	285
22.2. Обоснование эдипова комплекса	287
22.3. Культура как система запретов	289
22.4. Искусство и религия в свете психоанализа	291
22.5. Противоречивые оценки психоанализа	294
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	296
<i>Литература</i>	296
Глава 23. Аналитическая психология К. Г. Юнга	297
23.1. Структура души	298
23.2. Коллективное бессознательное	300
23.3. О различии восточной и западной культур	302
23.4. Художественное творчество как феномен культуры ...	305
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	307
<i>Литература</i>	308

Раздел X. СТРУКТУРАЛИЗМ И ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ

Глава 24. От структурализма к постструктурализму	311
24.1. Структурная лингвистика	311
24.2. Французский структурализм	313
24.3. Постструктурализм	316
24.4. Постструктурализм М. Фуко	319
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	329
<i>Литература</i>	329

Раздел XI. ОСНОВНЫЕ ТРАКТОВКИ ПОСТМОДЕРНА

Глава 25. Постмодернистские воззрения и попытки их классификации	333
25.1. Время возникновения постмодернистских воззрений...	333

25.2. Постмодернистские стратегии, сложившиеся в сфере художественной практики.....	335
25.3. Основные черты постмодернистского искусства.....	343
25.4. Разновидности систематизаций постмодернистских концепций	345
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	347
<i>Литература</i>	347
Глава 26. Постмодерн в изложении Ж.-Ф. Лиотара	348
26.1. Анализ терминов «постмодерн», «постсовременность», «постмодернизм»	349
26.2. Кризис метанарраций — черта постмодерна.....	350
26.3. Идея сопротивления	353
26.4. Состояние знания	354
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	356
<i>Литература</i>	356
Глава 27. Анонимный постмодернизм Ж. Делёза	357
27.1. Человек как желающее производство	358
27.2. Критика психоанализа	360
27.3. Задачи шизоанализа	363
27.4. Ризома.....	366
27.5. Миссия философии и искусства	369
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	372
<i>Литература</i>	372
Глава 28. Критические воззрения Ж. Бодрийяра	373
28.1. Три порядка симулякров.....	374
28.2. Культура гиперреального	375
28.3. Критика масс	377
28.4. Симулятивность современной культуры.....	378
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	382
<i>Литература</i>	382
Глава 29. Российский постмодернизм	383
29.1. О времени появления понятия «постмодернизм» в России	383
29.2. Появление феномена постмодерна (постмодернизма) в культуре	385
29.3. Культурологи русского зарубежья о постмодернизме в России	388
29.4. Отечественные теоретики постмодерна.....	391
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	395
<i>Литература</i>	395

Раздел XII. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В СВЕТЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Глава 30. Глобализационные процессы	399
30.1. Исторические этапы глобализации.....	399
30.2. О дифференциации глобализационных процессов.....	403
30.3. Космополитизм как возможная форма идентичности	408
30.4. Художественное творчество как проводник глобализационных потоков	417
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	421
<i>Литература</i>	421
Глава 31. Концепция универсализации культуры	422
31.1. Из истории изучения универсалий культуры	423
31.2. Универсально мыслящий человек.....	426
31.3. Модели культурной универсализации.....	429
31.4. Плюрализм как черта универсальной культуры	435
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	441
<i>Литература</i>	441
Раздел XIII. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ. ДИСКУССИИ И ОБЗОР НЕКОТОРЫХ ПОДХОДОВ	
Глава 32. Итоги и актуальные проблемы изучения культуры.....	445
32.1. Особенности и мировоззренческие принципы исследования культуры.....	445
32.2. Теоретико-методологические подходы к изучению культуры	449
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	458
<i>Литература</i>	458
Глава 33. Проблема метода в науках о культуре: дискуссии и поиски.....	459
33.1. Кризис в области наук о культуре	459
33.2. Истоки методологических трудностей.....	461
33.3. Пути развития современной науки о культуре	464
<i>Литература</i>	466
Именной указатель.....	467

Предисловие

Никакая наука не может возникнуть в одночасье: ее возникновению всегда предшествует период длительного накопления соответствующего знания, вырабатываемого согласно предмету исследования, формирование необходимого категориального аппарата, поиск особых методов исследования, установление границ взаимодействия с иными науками и как итог всего этого — собственное самоопределение. Для каждой науки пытаются, пусть даже приблизительно, определить дату и место ее возникновения. Имеет таковую и культурология: как наука она заявила о себе лишь в XX в., однако этому факту предшествовал длительный период формирования мыслей о культуре, которые на каком-то этапе своего развития обрели концептуальное выражение. Хотя истоки многих воззрений теряются в глубине веков, будучи впервые высказанными в рамках мифологического мышления, в представленном учебнике **предметом** рассмотрения оказывается **гуманитарная мысль западной и отечественной культуры лишь с XV в.** Именно этим периодом можно датировать начало формирования европейской культуры, в лоне которой развивалось культурологическое знание, достигнув некой определенности к XXI в., когда собственно стало возможным говорить о культурологии как сложившейся науке и учебной дисциплине.

Мощное развитие культурологического знания, которым отмечена наука XXI в., неизбежно предполагает внимательное отношение к его истории, чему и посвящен настоящий учебник. Оглядка назад нужна не только для того, чтобы измерить расстояние, отделяющее нынешнее состояние культурологии от предшествующих фаз, и этим определить меру осуществленного научного прогресса. Такое истолкование смысла историко-научных работ не исчерпывает их значения. Нам нужна история, но мы нуждаемся в ней не из праздного любопытства: она нужна нам для жизни и деятельности. Историческое и неисторическое одинаково

необходимы для здоровья отдельного человека, народа и культуры. Но какой бы важной ни была такая сопоставительная функция историко-научных работ, она не является ни единственной, ни самой важной в современном методологическом мышлении, тяготеющем к историзму, согласно которому законом науки является неизменная смена научных теорий, научных понятий, углубление наших знаний и совершенствование методов познания.

Каковы же механизмы, ведущие к смене одной научной теории другой? Обычно считается, что это накопление знаний и их проверка. Верификация¹ и экстенсивное расширение фактических данных научных теорий являются важной, но не исключительной характеристикой их развития, и в какой-то период развития знания наступает необходимость опровержения и замены иными теоретическими положениями. Место фальсифицированной² теории должна занять более перспективная научная концепция, т.е. та, которая объясняет более широкую предметную область и дает более совершенное объяснение фактов. Но в той мере, в какой старая идея или теория обладала смыслом, она в трансформированном виде включается в массив нового знания и его теории. Таким образом, в рамках рациональной традиции не существует абсолютно отработанных и исчерпанных теоретических положений и методологических процедур. История науки раскрывает механизмы кумуляции³ и трансформации научного знания, представляя динамическую модель теории как наиболее адекватную природе постоянно изменяющегося научного знания.

Помимо сказанного, пересмотр репертуара научных идей прошлых этапов оказывается необходимой процедурой, призванной обеспечить использование их сохраняющегося эвристического потенциала. Философия науки утверждает, что представление о тупиках и бесперспективных линиях развития научной мысли является в высшей степени поверхностным, в частности, по той причине, что

¹ *Верификация* (от лат. *verus* — истинный и *facere* — делать) — проверка научной теории или научного утверждения (закона) на предмет их истинности, соответствия реальности.

² *Фальсификация* (от лат. *falsificare* — подделывать) — понятие, обозначающее процедуры доказательства неверности, ограниченности научной теории, ее неадекватности фактическим данным.

³ *Кумуляция* (от лат. *cumulo* — накапливаю) — процесс накопления.

нередко признанные бесперспективными в свое время концептуальные схемы неожиданно в свете новых методологических подходов раскрывают свои познавательные возможности и могут быть включены в обновленном виде во вновь создаваемые научные концепции. Именно история науки не только дает нам примеры подобных «оживлений» старых воззрений, но и сама ориентирует современных исследователей на внимательное отношение к прошлой научной традиции, к научному опыту и приобретенным в прежние эпохи идеям. Если сказанное в какой-то мере справедливо в отношении естественных наук, то применительно к гуманитарному, культурологическому знанию оно имеет почти что силу закона. Нет необходимости обращаться за примерами слишком далеко — достаточно указать на так называемую цивилизационную теорию истории. Сейчас очень большое внимание уделяется объяснению исторического процесса как смены и сосуществования цивилизаций. Но само учение о цивилизациях, как следует из материалов данной книги, возникло почти два века тому назад. Конечно, за это время понимание термина существенно уточнилось, но сама идея осталась.

То же, видимо, можно сказать и относительно методов изучения культуры. Как бы ни отдалялись друг от друга естествознание и культуроведение, между ними никогда не исчезали взаимодействие и соприкосновение их понятий и методов. И не замечать этого невозможно. Даже признанные неприемлемыми подходы к гуманитарному знанию с позиций норм и методов, действующих в естественных науках, должны быть внимательно изучены. Но и в этих случаях мы нередко находим возможность лучше понять те факторы и законы, которые свойственны жизнедеятельности культуры.

Сегодня, когда культурология заявила о себе в качестве самостоятельной науки, обладающей определенным предметом и методами исследования, исторический подход позволяет выявить тех мыслителей, чьи идеи в свое время не получили соответствующей оценки в качестве культурологических, поскольку культурологический курс не обрел еще в то время самостоятельного статуса. Теперь же сформировавшаяся наука позволяет прочесть наследие многих мыслителей прошлого согласно культурологической стратегии, обнаружить при этом спектр идей

и концептуальных построений, вписывающихся в проблемное поле культурологии, порой не замеченных или недостаточно оцененных современниками. Таким образом, следует признать наличие некоего взаимообусловленного процесса: культурология не могла бы возникнуть, не будь сложившихся на протяжении ряда столетий концептуальных воззрений; в то же время факт самоопределения культурологии как науки способствует дифференцированному освоению наследия гуманитарной мысли и маркированию определенных концепций тех или иных авторов в качестве культурологических.

Полагаем, формирование первых культурологических концепций было вызвано поисками неких закономерностей, определяющих развитие культуры человечества, намерением вычленив то общее, что присуще всему человечеству, и то специфическое и самобытное, что отличает представителей отдельных этносов, наций, культур и регионов от других. Именно переломные эпохи усиливают, по нашему мнению, намерение осмыслить происходящее, формируют потребность в выработке стратегий в сфере культуры, что впоследствии становится базой для конструирования культурологических концепций.

Как уже было отмечено, исторический процесс формирования культурологических концепций не следует понимать лишь как некое кумулятивное накопление знаний о культуре, как простое обобщение и систематизацию культурного опыта. В истории становления культурологического знания наблюдаются и процессы отсечения некоторых направлений исследования, которые оказались несостоятельными или неправомерными в объяснении развития культуры. Поэтому отбор теоретического материала для данного учебника осуществлен согласно логике современного состояния культурологического знания и реалий культуры, соответственно — некоторые культурологические концепции, имевшие определенное значение в прошлом, не попали в поле нашего рассмотрения. Изучение истории культурологии выявляет тот факт, что культурологические концепции не просто сменяли друг друга или же существовали в одно и то же время, но формировались в соотношении друг с другом, ибо их авторы находились в творческом диалоге, порой и в острой полемике, которая могла привести не только к креативному форми-

рованию культурологического знания, но и к интерференции¹ идей.

Концепции различных авторов объединены в соответствующие разделы — с тем, чтобы была очевидна некая общность идей и одновременно явная, а подчас и скрытая преемственность. Широкое разнообразие культурологических концепций обусловлено наличием в сфере культуры множества проблем, возможностью выявления различных сторон и граней культуры, ставших предметом исследования, а также динамикой самого культурно-исторического процесса, в котором те или иные теории устаревают и уступают место новым, больше отвечающим характеру изменившейся эпохи. Настоящий учебник позволяет понять не всегда простой и легкий путь к их признанию, но выявляет и то, как в историческом взаимодействии и противостоянии различных дисциплинарных дискурсов оттачивалась методология культурологического исследования и определялась целостность этой науки. Тематизация разделов в некотором роде условна, да и творческое наследие многих авторов слишком многообразно и не укладывается в рамки какой-то одной темы. Кроме того, часто авторы не относили сами себя к разряду определенных концептуальных построений. Тем не менее, так называемая школьная наука допускает некую упрощенную схематизацию и типологию в целях эффективности подачи материала и продуктивности его усвоения.

Дисциплина «История культурологии» представляет собой историко-философский экскурс, показывающий этапы и особенности формирования культурфилософских теорий.

Она входит в Базовую часть профессионального цикла дисциплин, включенных в Образовательный государственный стандарт по направлению подготовки 033000 «Культурология». Помимо общекультурных компетенций, формированию которых способствует освоение бакалавром всей образовательной программы, дисциплина «История культурологии» направлена на формирование важнейших профессиональных компетенций, среди которых: овладение

¹ *Интерференция* (от лат. *inter* — взаимно, между собой и *ferio* — ударяю, поражаю) — взаимоподавление одновременно осуществляющихся процессов, прежде всего относящихся к познавательной сфере; интерференция в культурологическом знании может выглядеть так, как будто несколько информационных потоков конкурируют друг с другом за захват ограниченного пространства.

теоретическими основами культурологии, ее категориальным аппаратом и методологическими подходами к изучению культуры; приобретение способности понимать, оценивать и критически анализировать получаемую научную информацию по профилю исследования.

В результате изучения дисциплины студент должен: **знать** историю формирования основных культурологических концепций, имена наиболее представительных культурологов и их вклад в становление культурологии как науки, фундаментальные тексты культурологии; **уметь** применять полученные знания при рассмотрении процессов, протекающих в культуре прошлого и настоящего; **владеть** основными методологическими подходами к анализу культуры, специальным категориальным аппаратом и навыками ведения культурологического дискурса. Ее изучение, наряду с другими обязательными дисциплинами профессионального цикла, позволит сформировать компетенции выпускника, необходимые в разнообразных сферах его последующей деятельности: научно-исследовательской, проектно-аналитической и экспертной, организационно-управленческой, культурно-просветительской, преподавательской.

Раздел I

**ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ
КУЛЬТУРОЛОГИИ**

Глава 1

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

1.1. Формирование представлений о культуре

Известно, что создание современной научной теории культуры и самостоятельной науки о культуре — дело относительно недалекого прошлого. Столь обиходное в современном мире слово «культура» появилось в лексиконе образованного человека только в начале XIX в., а до этого непродолжительное время было известно только ограниченному кругу специалистов-ученых. Это не значит, что его или производных от него не было в европейских языках до того, однако обозначали они нечто иное, а сфера их употребления была крайне узка.

Но, как это обычно бывает и в других науках, знание о какой-либо области природы или общества возникает у людей задолго до того, как будет найден удачный (адекватный) термин для их обозначения. Так обстоит дело и с культурой, или пайдеей (греч. *paidey* — формирование ребенка, образование, воспитанность, культура): под этим термином понималось все то, что создано людьми и выражает их человеческую (духовную, общественную) сущность, в отличие от части природного мира; издавна люди рассуждали о культуре в тех теоретических и интеллектуальных формах, которые были свойственны соответствующему времени, причем как на Западе, так и на Востоке.

Хотя человеком давно была осознана особенность своего существования, выделенного из природного мира специфической искусственной, им самим созданной средой, он долго не мог найти точные средства описания и познания этой специфичности. Необходим был целый ряд предпосылок объективного и субъективного характера, чтобы позна-

ние этой особой сферы бытия человека и деятельности по ее созданию и развитию привело к науке. О них будет сказано в соответствующих разделах настоящего учебника. Здесь же уместно подчеркнуть, что выделению культурологии в самостоятельную область знания предшествовал длительный процесс развития наук о человеке, обществе, накопления фактов и наблюдений над культурной жизнью. И в этом не было ничего особенного. Точно так же происходило становление науки о природе — физики, науки об обществе — социологии и других областей знания. Только надо заметить, что возникновение культурологии произошло, в сущности, совсем недавно, едва ли более 100 лет тому назад. Это говорит о трудностях, которые стояли перед исследователями культуры: нужно было выделить ее из общих социальных, политических проблем и как особую сферу жизни человека, изменив многие философские и научные представления.

Обратим внимание на две сопряженные стороны в формировании представлений о культуре как особой сфере человеческого существования.

Первая состоит в понимании процесса формирования общего представления об особой сфере жизни и деятельности человека, которой он окружает себя и отгораживает от непосредственных природных влияний на свою жизнь, о становлении осознания человеком себя как существа культурного (*homo culturalis*), а не только природного, т.е. тем, кто творит нечто особенное, вторую природу, культуру и, живя в ней как необходимой среде, развивает ее. В процессе этого осознания человек выделил себя из природной среды, противопоставил себя природным (животным) существам и осознал себя предназначенным к иной жизненной миссии — культурному созиданию. Внутри сложного процесса формирования представления человека о себе на определенной стадии встал вопрос о необходимости особого рода знания о том, чем окружил себя человек. Еще до возникновения теории о культуре как таковой появились фрагменты знания внутри иных, более доступных осмыслению формах его жизни: в первую очередь — социальной, политической. В дальнейшем они обрели автономный статус и стали развиваться самостоятельно, получая свои собственные понятия и методы постижения. В этом состоит вторая сторона понимания вопроса о развитии культурологического знания. Рассмотрим эту ситуацию детальнее.

Отдельные фрагменты знания о культуре возникают еще в античной науке и философии, если мы ограничимся европейской научной традицией. Мы их находим в учениях Платона и Аристотеля, относящихся к их представлениям об обществе, государстве и морали. О культуре как особой сфере человеческой жизнедеятельности в этих учениях еще речи нет. Ближе всего к такой постановке подходят стоики, особенно в римский период древней истории: Цицерон и Сенека.

Следует обратить внимание, что важные наблюдения над культурной жизнью были сделаны античными историками, среди которых — Геродот, Тацит и др.

Особое значение в аспекте нашей проблемы имеют работы античных географов, в первую очередь Страбона. Дошедший до наших дней его труд представляет капитальное исследование всех сторон жизни известного ему античного мира. Наряду с ценнейшими географическими описаниями в нем содержатся наблюдения над жизнью народов, в которых уже заметно понимание связи среды обитания, географических условий с особенностями быта и культурных занятий народов. Линия объяснения своеобразия быта и характера этносов в зависимости от условий среды их обитания не утратит своей актуальности и в последующие времена, когда будет расширяться географическая картина мира европейцев, особенно в эпоху Великих географических открытий. Тем не менее, эти знания еще не обрели нужной концептуализации, т.е. отсутствовал понятийный аппарат, который выделял бы их в отдельный и самостоятельный род знания. Сам термин «культура» еще не находит своего применения.

Заметный сдвиг произошел на рубеже XVII—XVIII вв. К этому времени массив знаний о духовной жизни человека, представлений о ней как о специфической сфере жизнедеятельности человека, где реализованы его сущностно-человеческие потенции, достиг такого размера, что назрела необходимость выделения этих знаний в особый раздел. Росту культурологического знания содействовали в первую очередь те данные, которые поставлялись путешественниками, открывателями новых земель, в результате развития торговли, мирового обмена материальными ценностями. Немалое значение имели политическая и военная экспансия европейских стран на другие материки, формирование колоний, обнаружение в процессе освоения новых

территорий неизвестных народов и государств, видов образа жизни людей, отличных от европейского. Большое значение имело и основательное знакомство с великими цивилизациями народов Азии, Африки, Китая и Индии. Следует обратить внимание на то, что такого рода знание рождало две теоретико-методологические тенденции. Первая основывалась на восприятии и осмыслении многообразия культурно-цивилизационных форм жизни народов. На этом наблюдении формировалось сравнительное изучение жизни народов, вылившееся позднее в культурную компаративистику и кросс-культурные исследования нашего времени. Эта тенденция укрепляла тезис о том, что сущность культуры может быть понята путем сопоставления ее различных форм. В этом русле возникло убеждение, что значительное влияние на своеобразие культуры и быта оказывают природные условия жизни народов. Через это положение пытались объяснить не только антропологические различия людей, их этническое и расовое своеобразие, но и различия в быте, способах культурного и политического существования, демографических тенденциях и т.п.

Вторая тенденция основывалась не только на факте качественного различия культур, но и на неодинаковом уровне культурно-исторического развития этносов. Именно в это время рождаются представления о примитивных этносах, естественных племенах, жизнь которых мало отличима от природных условий жизни животных. Свою культуру и общественный уровень европейцы воспринимали как высшие, наиболее совершенные и наиболее соответствующие сущности человека. Этот взгляд породил известный европоцентризм и убеждение в абсолютном приоритете европейских ценностей над всеми другими. В итоге развития этих знаний, не укладывающихся в принятые социальные и политические представления, возник взгляд о наличии особой сферы бытия народов, отличной от природной, названной «культурным состоянием» (*stato culturalis*) или просто «культурой», в отличие от «природного состояния» (*stato naturalis*). Это различие на рубеже XVII—XVIII вв. сделал философ и правовед С. Пуфендорф.

Не ставя себе целью останавливаться на истории понятия «культура», отметим, что оно концентрирует вокруг себя те содержательные результаты деятельности человека, которые отличались от его социальной, экономической, политической деятельностей. Пытаясь понять сущность

феномена культурности, многие философы и ученые стали обращать внимание, во-первых, на духовно-ценностное содержание; во-вторых, на качественный аспект человеческих действий.

В первом случае развивался особый тип гуманизма. Именно в духовно-ценностной сфере, как полагали, в первую очередь раскрывается сущность человека. Религия, искусства, науки, нравственность — вот те формы, которые составляют содержание культуры. Наиболее развитую концепцию подобного рода представил немецкий мыслитель И. Г. Гердер.

Во втором случае (И. Кант) культура мыслилась как качество человеческих действий, поступков везде, где они проявлялись. Культурное сводилось к вопросу «как?». Основные формы поведения человека отличаются от аналогичных иных существ животного мира своим особым качеством, хотя на первый взгляд между ними есть схожесть: в создании жилищ, добывании пищи и ее потреблении, стадном поведении и т.п.

К началу XIX в. утвердилось несколько **направлений исследования культуры** в зависимости от понимания ее предмета и методологических установок.

Первое — **философское**. Оно, в сущности, вело к формированию философии культуры, которая состояла в отвлеченном от реального, фактического изучения культурных феноменов выведении ее сущности из умозрительного философского принципа. Факты имели только второстепенное значение; к ним подходили избирательно и воспринимали под углом зрения принципа. Примером может служить учение о культуре итальянского философа Дж. Вико. Другие примеры дают учения немецких и русских философов этого столетия: И. Канта, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, О. Шпенглера, Н. Я. Данилевского и др. Наиболее полно этот подход представлен в знаменитой работе О. Шпенглера «Закат Западного мира». К этому же типу относились учения Г. Кайзерлинга, Т. Лессинга, Н. А. Бердяева и многие иные, созданные на рубеже XIX—XX вв.

Второе направление было ориентировано на построение **общей теории культуры**, подобно тому, как создавались общие теории общества. К нему мы отнесем упомянутую прежде концепцию И. Г. Гердера, хотя в ней сказывается и отвлеченно философский подход. Таковы и теории культуры Л. Фробениуса, Й. Хейзинги. Именно в таких

теориях, хотя они больше ориентировались на реальные формы культур, в полной мере проявлялся теоретико-методологический принцип, или фактор объяснения сущности культурного феномена. Нередко этот принцип брался из сферы естествознания: прежде всего, из тех наук, которые воспринимались как ведущие, главные, а их методология — как общенаучная, или из тех социальных наук, которые оказались наиболее разработанными. Для таких общих теорий культуры, создававшихся в XIX — начале XX в., было характерно нечеткое различие понятий культуры, общества, цивилизации и даже истории. Так, цивилизационный подход был типичен для английских и французских историков (Ф. П. Г. Гизо, Л. А. Тьер, Г. Бокль, А. Дж. Тойнби), сближение социальной философии и учения о культуре мы встречаем у немецких социологов Ф. Тенниса, Г. Зиммеля, французских — Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля и др. З. Фрейд предложил трактовку культуры и ее развития с точки зрения психоанализа.

Причиной отсутствия специфически культурологических методов мы можем считать очень позднее выделение феномена культуры и, следовательно, формирование наук о культуре, зависевшее от уже развитых социально-гуманитарных наук, но и не только от них. В теоретико-методологическом плане существует трудность проведения разграничения между социальным и культурным феноменами, как и другими видами человеческой деятельности.

1.2. Дисциплинарное пространство культурологии и возможность конструирования ее истории

Культурология, вне зависимости от того, как понимают эту науку и учебную дисциплину, прочно вошла в состав современного гуманитарного знания. Она является важнейшей составной частью всякого серьезного образования, особенно высшего, университетского.

Включение культурологии в систему учебных дисциплин явилось следствием признания убеждения, что чем бы ни занимался человек, какому бы виду деятельности он себя ни посвятил, к какой бы профессии он ни готовился, без знания культурологии, ее основных понятий и проблем, без понимания закономерностей культурных процессов и, особенно, без ясных представлений о культурных

перспективах человечества он будет подобен слепцу без поводыря внутри лабиринта. Жить в культуре и не знать о ней ничего попросту недопустимо, ибо такое незнание способствует тому, что каждое действие человека может оказаться, да и оказывается, для культуры разрушительным. Не случайно с низкой культурной образованностью, приобретшей повсеместный характер, связывается все еще не остановленный процесс разрушения и уничтожения культурного достояния прежних поколений, низкий статус духовной культуры, неизжитость пресловутого «остаточного принципа» в отношении всего, что относится к гуманитарной сфере и образованию. Поэтому одной из главных мыслей, которая с настойчивостью проводится учебником, состоит в убеждении, что культурология — фундаментальная наука, а как учебная дисциплина является базовым предметом в системе образования и подготовки кадров. Культурологически необразованный человек обречен на жизненную неудачу в обществе XXI в.

Знание о культуре — одна из самых динамично развивающихся областей науки вообще. Решающим образом этому способствуют два фактора, каждый из которых равноценен другому. Во-первых, это бурно развивающийся глобализационный процесс. Он затронул не только сферу экономики, политики и технологических основ жизни общества, но и культуру. Традиционное представление о культуре, существующей в форме различных более или менее замкнутых и автономных типов, видов или систем, определяемых факторами этнонационального, конфессионального, историко-традиционалистского или иного способа их существования, которое разделялось большинством людей вплоть до конца XX в., на наших глазах решительно сменяется прямо противоположным, утверждающим, что мы живем в эпоху обмена, усвоения и производства культурных ценностей, теряющих свои этнонациональные характеристики и региональную соотнесенность. В действие вступают универсальные механизмы, определяющие общий согласный ритм культурного процесса единого человечества, все большее значение приобретают интернациональные формы культуры, обеспечивающие свободную культурную коммуникацию между народами, распространение общеразделяемых ценностей художественной, символической и материальной культуры в сфере быта, досуга, образования. Контакты различных культур, цивилизаций,

образов жизни рождают новый тип цивилизационных отношений.

Второй фактор вырастает из существа современного общества, точнее, из тех техноэкономических основ, которые обеспечивают его развитие. Специалисты по-разному определяют эту базу, именуя ее то постиндустриальным обществом, то цивилизацией технотронного типа или же информационным обществом. Каковы бы ни были различия в понятиях, их суть одна. Наше общество вступило в такую фазу развития, когда решающее значение приобретают информация, ее производство, обмен ею и те социальные и культурные отношения, которые складываются вследствие этого и обеспечивают эффективность указанных явлений.

Оба фактора привели к глубокой, до самых оснований, трансформации человеческой культуры и чрезвычайной динамичности ее изменений. Культурные навыки, установки и ценности меняются несколько раз в продолжение жизни одного человека, в то время как еще совсем недавно одни и те же ценности разделялись несколькими последовательными поколениями.

Конечно, указанные процессы весьма неоднозначны и в своей сути, а тем более по своим последствиям. Приводя к неоспоримому благу, они порождают и неизбежные противоречия как социального, так и культурного свойства, вызывают болезненные реакции там, где люди вынуждены, отказываясь от традиционных форм культуры, включаться в новые.

Данная социокультурная динамика создает новые формы и виды культуры и культурной деятельности, например медиакультуру, киберкультуру и т.п., и порождает в соответствии с этим новые отрасли культурологии и наук о культуре.

Принято считать, что **культурология** может быть представлена в двух своих сопряженных видах: как **система наук о культуре** и ее отдельных образований и как **общая теория культуры**, изучающая ее фундаментальные закономерности, формы бытования, законы развития и тенденции ее динамики, производство и функционирование культурных ценностей (артефактов).

Культурология как система наук о культуре и как наиболее общая ее теория имеет необозримое поле проблем и тем. Перечислить, а тем более изложить их все — задача нераз-

решимая, да и ненужная. Добытое знание концентрируется в понятиях, выводах, законах, принципах и других научных формах знания. Все они не рядоположенные, а находятся в системном соотношении, содержательной и логической соподчиненности. Учет этих особенностей построения научного знания дает возможность понять строение самой реальной культуры. Культура — это объективная данность, способ жизни людей, реализующих себя в многообразных культурных формах бытия, точно фиксируемых наукой, на каких бы идейных принципах ни стоял исследователь. Поэтому и результаты исследований имеют в целом объективный характер. Не должно сбивать с толку и многообразие методов и подходов к ее изучению: оно отражает сложность культурного феномена, предстающего в его познании с различных сторон. Да и сами методологические принципы не столько противостоят друг другу, сколько согласуются и соотносятся между собой, представляя многомерность, многоплановость, содержательное и функциональное богатство культуры и культурной жизни человека.

К пониманию сущности культуры следует сделать одно замечание. «Культура вообще» — это абстракция и нигде не существует в своем чистом виде. В действительности же мы всегда имеем дело с конкретными культурами, принадлежащими определенным историческим эпохам и сменяющимися друг друга. Они рассматриваются как целостности и качественные определенности. И ныне мы живем в многокультурном мире, в котором отдельные культурные образования сосуществуют, взаимодействуют, конкурируют, сливаются и распадаются. В связи с этим возникают принципиальные вопросы типологии и классификации культур, законы их взаимодействия и внутреннего строения. Как бы ни были важны и интересны общетеоретические проблемы, они значительны не сами по себе, а составляют платформу и необходимую предпосылку понимания того культурного мира, в котором живем и действуем мы. Он не только многообразен и противоречив, но в нем явно видна, как уже было сказано, тенденция к культурной универсализации жизни, закреплённая понятием «глобализация». Развитие этого процесса идет под воздействием многих одновременно действующих факторов социогенного, техногенного, экогенного и иного происхождения. Каковы очертания наступающей новой культуры, насколько управляем процесс ее становления — эти темы и вопросы имеют

отнюдь не академический интерес, а вполне практический смысл, затрагивающий человека и человечество в целом. Но они не могут быть осмыслены во всей своей полноте с ограниченной точки зрения какой-то одной философии или методологии.

Поэтому в нашем учебнике отведено место изложению сущности различных подходов к изучению культуры, основанных на различных философских, методологических, а порой и политических исходных посылах. Этим дается представление о широте диапазона как научного, так и философского постижения культуры, без которого немислимо полноценное человеческое существование.

Изучение культуры предполагает рассмотрение ее в двух плоскостях. Их различие довольно условно и является в известной мере теоретической позицией. Имеется в виду изучение и постижение культуры в ее историческом смысле от генезиса, зарождения первых зачатков культурных отношений до современных ее состояний — первая плоскость, и изучение ее как данности, существующей в конкретных формах, состояниях, взаимодействиях внутри отдельных структурных форм культуры и между ними, а также соотношения культуры с социальными, экономическими, политическими и иными условиями ее реального бытования в момент изучения. Такой подход имеется в виду, когда, к примеру, ставят вопрос «что такое современная культура?».

Две указанные позиции обозначаются различными терминами, которые полезно запомнить. Взгляд на культуру в ее динамике (развитии) называют **историческим подходом** (историзмом), а вторая точка зрения, определяющая взгляд на реально существующую культуру в ее всевозможных формах и состояниях, отвлекаясь от того, как они возникли и развивались, нередко именуется **теоретическим подходом**. Имеются и другие термины для обозначения этих позиций, например: диахроническое изучение культуры и синхроническое. Как явствует из смыслов этих терминов, диахроника означает изучение предмета во времени, т.е. в его временных изменяющихся состояниях, а синхроника предполагает взгляд на этот же предмет в ситуации его неизменяющейся данности, каким он предстает перед исследователем здесь и сейчас.

Как нетрудно понять, обе эти позиции, или подхода к культуре, взаимодополняемы, ибо полное постижение

культуры и создание ее научного образа, а такова цель культурологии, предполагают как изучение ее реально существующих форм, иначе говоря, актуальную культурную реальность и законы ее функционирования, так и исследование исторических предпосылок, происхождения и тенденций развития всех тех культурных феноменов, которые породили нашу современную культуру и цивилизацию. Историзм — это залог и возможность понять, как из потенций культуры сегодняшнего дня возникают ее новые формы, типы, в которых предстоит жить не только нашим отдаленным потомкам, но и нам нынешним.

Поэтому не менее важно наряду с постижением истории культуры знать и понимать историю возникновения наших взглядов на культуру от первичных фиксаций и осмыслений неприродных, человеческих форм бытия до современной культурологии, построенной с применением мощного теоретико-методологического инструментария науки.

Наверное, в развитии культурологического знания всегда сказывался кумулятивный эффект, т.е. последовательное, постепенное накопление знаний, нарастание «банка данных» о культуре. Но несомненно, что создание теорий культуры далеко не всегда было результатом простого обобщения этих данных. Чтобы из чисто эмпирических фактов создалось научно значимое обобщение, а тем более теория, требуется привлечение специально разработанных методов, использование философских принципов, наличие адекватной интеллектуальной среды и прочих духовных факторов. Поэтому корни современной культурологии уходят в почвы тех научных обстоятельств и сдвигов, которые рождали всю современную науку и связанную с ней социальную философию.

Современная философия науки дала надежные доказательства того, что история знания, понимание его природы в перспективе постоянного изменения являются внутренне необходимой предпосылкой его построения как научной системы. Наука есть последовательность сменяющих друг друга теорий, постоянных концептуальных сдвигов в ее структуре, изменение смысла и интерпретаций ее фундаментальных категорий, в том числе изменение в понимании ее предмета. Вот почему, несмотря на то что история культурологии относительно самостоятельная область гуманитарного знания, она связана теоретическими, фило-

софскими и методологическими узлами со всей научной ситуацией, и ее динамика, развитие ее теорий согласуются с общим ритмом научного прогресса.

1.3. К проблеме самоопределения культурологического дискурса

Почему культурология как наука не возникла раньше? Ведь культура как многомерное явление была, и был дискурс о конкретных ее составляющих, а вот собственно культурологического дискурса не было. По мере развития гуманитарного знания сложились дискурсы, которые взяли на себя заботу о культуре, причем не о культуре в целом, а о культуре, рассматриваемой сегодня в качестве системы, элементами которой являются философия, религия, литература, политика, экономика, искусство и т.д. Сегодня очевидно, что эта дифференциация не является ни абсолютной, ни прочной, ни постоянной. Соответственно только со времени легитимации культурологии как самостоятельной науки можно говорить о существовании соответствующего ей дискурса, т.е. дискурса о культуре с позиции этой науки.

Сошлемся на М. Фуко, который писал, что «в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности»¹. Этот контроль осуществляется при помощи процедуры **исключения**. Среди разных способов (систем) исключения М. Фуко различает три: **запрет, разделение и отбрасывание и оппозиция истинного и ложного**². Существуют и другие процедуры контроля и ограничения дискурса. Есть процедуры, которые действуют скорее в качестве принципов классификации или комментария.

Обратимся к истории развития западного гуманитарного знания. При пристальном изучении наследия и некоторых фактов из биографии ряда основоположников новой научной дисциплины обнаруживаются вполне аргументи-

¹ Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 51.

² Там же. С. 59.

рованные позиции, а порой и любопытные подробности, свидетельствующие об имеющей место полемике, а иногда и конфронтации между их идеями и идеями иных представителей гуманитарных дисциплин, вызванной схожестью подходов, методов, категориального аппарата, а в некоторых случаях и адекватностью предмета исследования. Более всего это касается самоопределения дисциплинарных полей философии и культурологии. И это вполне объяснимо, ибо культурологическую мысль отличает особое поле исследования: включение в свой арсенал эмпирических фактов, использование не только рационального мышления, но и других форм когнитивной деятельности, интерес к изучению профанного, обыденного и целый ряд других качеств. И если сегодня в среде культурологов такая манера философствования и интерпретации фактов становится вполне легитимной, то в былые времена, когда эта сфера гуманитарного знания еще не обрела самостоятельного статуса, она была весьма проблематичной. Их мысль казалась «периферийной», а идеи, как правило, — невостребованными. В то же время их «периферийность» лишь более отчетливо оттеняли кардинальные идеи ведущих и признанных философов того времени, способствующих созданию, обоснованию и упрочению основополагающих парадигмальных констант. Среди последних можно назвать всепроникающие идеи рационализма, прогресса, порядка, стремления к истине и др., т.е. как раз то, что подвергалось известной корректировке или же получало иную трактовку в набирающем силу стремлении к легитимации культурологическом дискурсе.

Формирование культурологического дискурса способствует появлению культурологии как науки и учебной дисциплины. Мысли или представления о культуре, появление которых можно датировать временем возникновения собственно человеческой деятельности по возделыванию окружающего мира и себя, — это еще не культурологический дискурс. Культурологическая рефлексия оформилась в культурологический дискурс в трудах тех мыслителей прошлого, сочинения которых не были отнесены к разряду легитимных дискурсов, сложившихся в европейской культуре Нового времени. Происходящая все большая дифференциация наук и их иерархизация выдвинули среди гуманитарных наук в качестве лидирующей философию, и, соответственно, философский дискурс (точнее — раци-

оналистический, ибо именно рационалистическая философия доминировала в культуре Нового времени) оказался той лакмусовой бумажкой, которая позволяла определять степень соответствия всех тех гуманитарных высказываний, которые возникали в то время.

Одна из центральных проблем современной культурологии — обоснование возможности интегративного знания. К числу мыслителей, способствующих упрочению такого подхода, можно отнести Дж. Вико, с которого, собственно, и начинается становление культурологического знания. В его наследии обнаруживается целый ряд идей, которые сегодня оказываются вполне актуальными: идея создания «новой науки» в содружестве философии и филологии; своеобразная трактовка истины, провозглашающая обратимость истины и факта («*Verum et factum convertuntur*»); обоснование цикличности в человеческой истории, самоценность ненаучного знания и некоторые другие.

Другим иллюстративным примером дистанцирования рационалистической философии и культурологической мысли может служить фигура И. Г. Гердера, творческое наследие которого рассматривают как соотносимое с основополагающими идеями эпохи Просвещения, но в то же время как в некоторой степени им противостоящее. Здесь имело место непонимание творческой манеры ученого и его исследовательского метода со стороны философов рационалистической направленности. Так, весьма сложными были взаимоотношения И. Г. Гердера с И. Г. Фихте, И. Кантом. Последний, напомним, резко оценил некоторые взгляды И. Г. Гердера, изложенные в «Идеях к философии истории человечества», осудив при этом эмоциональную манеру изложения и явный приоритет эмпирии при выведении общих суждений. Сегодня мы бы сказали, что И. Кант комментировал тексты Гердера с позиций легитимного философского дискурса.

Таким образом, еще задолго до эпохи романтизма, открыто выступившей против гипертрофии рационализма во всех сферах духовной жизни, в западноевропейской культуре возникло противостояние основным тенденциям рационалистической философии, локализовавшееся в сфере тех учений, которые сегодня составляют историю культурологии. Можно расценить этот факт не как параллелизм, сложившийся в начале Нового времени между рационалистической философией и формирующимися в то

время первыми культурологическими концепциями, а как феномен интерференции. Суть этого феномена состоит в том, что происходит взаимовлияние и сопоставление. Это сопоставление, присущее всему периоду существования европейской культуры, очевидно, способствовало самоопределению и укреплению каждой из сторон.

Явное размежевание классической парадигмы философствования и неклассической начинается лишь с формированием романтизма. Романтики не столько в сфере теоретических изысканий, но, главным образом, в области художественного творчества поставили ряд проблем, повернувших гуманитарную мысль к иному видению мира, стремящемуся охватить мир целостно, полнокровно, в отличие от явно обедненного и неполного рационального его толкования, тем самым заявив о себе как о подлинных теоретиках культуры и, заметим, провозвестниках нового мироощущения.

Вслед за романтиками А. Шопенгауэр подверг критике рационалистическую философию, однако его можно рассматривать как некую пограничную фигуру, исходящую, в некоторой степени, из философии И. Канта, Платона, отдельных положений восточных философий. И только Ф. Ницше предложил по-новому рассматривать человеческие ценности, отверг рационалистическое толкование истины, понятие прогресса, показал несовершенство современной ему культуры, озвучил проблему формирования иного человека и иной культуры мышления. Он использовал другую манеру письма, кардинально отличную от той, которая была принята классической философией, манеру, сближающего его с афористичностью и лаконичностью Гераклита, тем самым расширив поле ассоциаций и интерпретации своих текстов. Эти и многие другие новации Ф. Ницше поставили его в оппозицию по отношению к классической философии и, соответственно, отнесли его в область постнеклассической философии, которая оказалась чрезвычайно близка культурологической мысли. В. Дильтей, О. Шпенглер, В. В. Розанов, М. Фуко, Ж. Делёз, И. М. Валлерстайн — кто они: философы или культурологи?

Известно, что любое философствование исторично, в том смысле, что оно связано множеством нитей с эпохой, культурой, социумом, в котором оно осуществляется. Особенности гуманитарного мышления некоторых культур

не соответствуют тем параметрам, которыми измеряется общепринятое в западной традиции понимание философии. Кроме того, в последнее время философское знание претерпело значительные трансформации. Сегодня мы говорим о смене типов рациональности, об уходе философии от онтологической проблематики и сближении ее с реальными проблемами социума. Определяя вектор дрейфа философского дискурса, мы склонны расценивать его как движение в сторону культурологического дискурса. Этот последний все еще находится в состоянии своего формирования, поэтому имеет нечеткие очертания, вбирая в себя дискурсивные практики многих смежных наук.

Прогнозируя развитие философского знания, многие мыслители настаивают на том, что философия в будущем не будет расцениваться как наука, ибо современный идеал научности предполагает деперсонализацию знания. Философия будет антропологической, и в этом плане ее сближение с культурологией становится все более очевидным. В то же время, развивающаяся культурология все более обрастает необходимым категориальным аппаратом, овладевает методологией исследования сопредельных дисциплин, возникают новые ее дисциплинарные области, например взаимодействие культуры и познавательных процессов, тем самым обнаруживая дрейф к научности. И это неудивительно: тенденция к междисциплинарности — черта современного знания. Культурология, — бесспорно, философская наука, — интегрирует в себе, помимо философии, опыт и многих других смежных областей знания. В связи с этим заметим, что стремление разделить философский и культурологический дискурс, как, впрочем, и четко дифференцировать все другие гуманитарные дискурсы, — остаточный синдром эпохи модерна. Сегодня реальная интеллектуальная жизнь и фактические научные тексты свидетельствуют о размытости дисциплинарных полей, о сложившемся так называемом теоретическом дискурсе, в котором трудно, да порой и незачем, разграничивать отдельные дисциплинарные дискурсы. Ансамбли дискурсов — религиозных, юридических, философских, политических, искусствоведческих, культурологических — это прерывные практики, которые перекрещиваются, иногда соседствуют друг с другом, но также и игнорируют или исключают друг друга. Дискурсы представляют собой

своего рода давление и что-то вроде принудительного действия, но в то же время являются не более чем игрой. Возникло целое сообщество культурологов, так называемое дискурсивное сообщество, которое поставило перед собой задачу сохранения и легитимации дискурса недавно образовавшейся дисциплинарной области знания.

Сегодня мы позиционируем культурологию как интегративную форму знания (дисциплину). Чтобы принадлежать к определенной дисциплине, высказывание должно вписываться в соответствующий тип теоретического горизонта, ибо внутри своих границ каждая дисциплина предполагает принципы, обладающие функциями ограничения и принуждения, признает истинные изложенные высказывания и ложные. «Дисциплина — это принцип **контроля** над производством дискурса. Она устанавливает для него границы»¹. Что же можно назвать культурологическим высказыванием? В качестве ответа на этот вопрос приведем еще один пример из М. Фуко, где он рассуждает по поводу ботаники: «Чтобы некоторое высказывание было “ботаническим”, нужно было, чтобы оно касалось видимой структуры растений».

Прежде чем перейти к следующему разделу, еще раз обратим внимание на то, что историческое развитие культурологии стало реакцией на возникшие в западной культуре проблемы. Поскольку мы окидываем ретроспективным взглядом становление культурологических концепций, составивших историю культурологии, становится понятно, что границы ее предмета, способы построения теории, ее методология и эпистемология — все это обусловлено пределами того плавильного котла взаимодействия западноевропейских идей, из которого эта наука появилась на свет.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что способствовало формированию у человека представлений о культуре и тем самым составило основу культурологического знания?

2. Как объяснить сосуществование многообразия методов и подходов к изучению культуры, что выявляет история культурологии?

¹ Фуко М. Указ. соч. С. 69.

3. Охарактеризуйте суть исторического и теоретического подходов в изучении культуры.

4. В чем проявляется интегративная форма культурологического знания?

Литература

1. *Библер, В. С.* От наукоучения — к логике культуры (Два философских введения в двадцать первый век). — М.: Издательство политической литературы, 1991.

2. *Лотман, Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). — СПб., 2008.

3. *Межуев, В. М.* Идея культуры: Очерки по философии культуры. — М.: Прогресс-Традиция, 2006.

4. *Ницше, Ф.* О пользе и вреде истории для жизни // *Ницше, Ф.* О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вненравственном смысле: сб. : пер. с нем. — М.: АСТ. — Минск: Харвест, 2008.

Раздел II

СТАНОВЛЕНИЕ ЦИКЛИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ЭВОЛЮЦИИ КУЛЬТУРЫ

Глава 2

ЦИКЛЫ В УЧЕНИИ ДЖ. ВИКО И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ

Процесс познания культуры сопровождается созданием разнообразного рода моделей, или концептуальных схем, неким образом отражающих феноменальную реальность, в которой протекают циклические и линейные процессы. Идеи циклического развития, пожалуй, имеют наиболее давнюю историю, ибо формирование их связывается с древнейшими представлениями о циклических процессах в природе, запечатленных в соответствующих календарных праздниках, с осознанием судьбоносной цикличности человеческой жизни, продолжительности существования древних империй. Пространственно-временной объем циклических моделей имел разную величину и применялся либо для периодизации всеобщей истории человечества, либо для характеристики отдельных этапов ее развития, либо еще уже: для уяснения смены художественных стилей, политических и интеллектуальных периодов активности и спада внутри той или иной культуры.

Мифологические представления, в русле которых первоначально сложилась идея цикличности, на первоначальном этапе выраженная в метафорическом виде, по мере формирования навыков аналитического мышления преобразовывались в теоретические понятия и концептуальные модели. При обращении к наследию прошлых эпох невольно возникают аналогии между аргументацией древних и современных мыслителей. Подчас напрашивается вывод, что интуиции предшественников были не лишены оснований, хотя, с точки зрения современной науки, и содержали в себе некоторые ошибки и заблуждения.

Первые проявления циклической концепции можно найти, к примеру, в наследии Древней Индии, Древнего Китая, в истории Древней Греции. В период европейского

Средневековья доминирующей была концепция линейного развития, и лишь в эпоху Возрождения вновь была востребована теория циклического развития.

2.1. Идея циклов в эпоху Возрождения

Представитель позднего Возрождения Никколо Макиавелли (1469—1527) обратил внимание на смену периодов подъема и упадка в развитии древних империй. Как утверждают некоторые исследователи, Н. Макиавелли заимствовал идею циклизма непосредственно у античного историка Полибия, но не повторил ее, а разработал по-своему. По версии других исследователей, на него повлияли идеи арабского мыслителя Ибн Халдуна (1332—1406), написавшего в своем сочинении «Книга назидательных примеров по истории арабов, персов и берберов и их современников, имевших большую власть» о ритмических чередованиях эпох в развитии культуры. Эти идеи Н. Макиавелли воспринял непосредственно от араба Ибн аль-Ваззана, жившего в то время в Италии. В «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» Н. Макиавелли пишет о чередовании в истории периодов «доблести» и «порока», «мощи» и «немощи», «порядка» и «развала», присущих тем или иным древним империям, которые сменяли друг друга: вначале «доблесть была сосредоточена в Ассирии, затем перенесена в Мидию, потом в Персию и в конце концов достигла Италии и Рима», однако на смену царившей в ту пору доблести в современной ему Италии пришел «торжествующий ныне порок»¹. Италия XV в. рассматривалась им как страна, расцвет которой оказался в прошлом. Эти идеи Н. Макиавелли были не идеей замкнутого круга, а, напротив, идеей о неизбежном движении истории и культуры через периоды «мощи и немощи». Причины циклических процессов он усматривал в расположении звезд, тем самым его учение связывалось с повторением неких космических ритмов. Эта мистическая сторона его учения оценивалась порой как самая слабая в его аргументации. Однако именно у нее оказались последователи в XVI—XVII вв. (один из них — Т. Кампанелла). Несмотря

¹ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Государь. М., 2002. С. 138, 140.

на все промахи, допущенные предшествующими мыслителями в трактовках тех или иных циклических процессов, несомненным достоинством их был поиск неких общих закономерностей, согласно которым можно объяснить развитие культуры и человеческой истории.

2.2. Циклы Дж. Вико и взаимосвязь их составляющих

Неаполитанский мыслитель Джамбаттиста Вико (1668—1744) написал ряд научных работ, среди которых «Основания Новой науки об общей природе наций». Эту книгу обычно называют «Новой наукой», а итальянский исследователь Ф. де Санктис — «Божественной комедией» науки, ибо она содержит в себе обширный синтез прошлого и будущего, синтез, еще полный обломков старого, но несущий в себе новаторский дух. По оценке другого итальянского мыслителя Б. Кроче, самого Дж. Вико следует рассматривать как «историка гораздо более значительного, нежели Макиавелли»¹. И хотя Дж. Вико жил уже в другое время, получившее название эпохи Просвещения, все же его порой характеризуют как ренессансного мыслителя, ибо его воззрения более отвечают этому переходному периоду в европейской культуре, нежели устремлениям набирающей силу культуры Нового времени. По замечанию П. А. Сорокина, рассматривающего воззрения Дж. Вико в ряду многих других предшествующих и последующих мыслителей, изложенная им «циклическая концепция истории и социальных перемен находит свое наиболее систематическое, наиболее общее и наиболее интересное выражение»².

В «Новой науке» Дж. Вико проводит логический анализ человеческой культуры, различных ее форм и проявлений с тем, чтобы познать смысл истории вообще, а не той или иной конкретной эпохи. Это сочинение состоит из пяти книг и заключения.

В книге первой, которая носит предваряющий характер, автор упоминает о сохранившейся древней истине египтян, поведенной Геродотом: «Египтяне все время Мира, протекшее до них, сводили к **трем векам**: первому — веку **богов**,

¹ Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998. С. 104.

² Сорокин П. А. Циклические концепции социально-исторического процесса // Россия и современный мир. 1998. Вып. 4 (21). С. 70.

второму — веку **героев**, третьему — веку **людей**¹, и это он принимает в качестве основания всеобщей истории, которую намерен создать. Дж. Вико в своих воззрениях на историю человечества придерживался эпикурейско-лукрециевых представлений, исходящих из признания процесса постепенного развития человечества, который начался с периода дикости. По мере исторической эволюции формируются различные эпохи, или «века», составляющие некий цикл, который с неизбежностью сменяется следующим аналогичным циклом.

Книга вторая «О поэтической мудрости» повествует о «веке богов». Люди сами выдумали себе богов, ибо верили, что все необходимые или полезные для рода человеческого вещи суть божества. Поэты-теологи основали языческие нации при посредстве мифов о богах. Мифы, по мнению Дж. Вико, были первыми историями языческих наций. И потому первая наука, которой нужно научиться с тем, чтобы познать прошлое человечества, — это мифология, т.е. истолкование мифов.

В книге третьей «Об открытии истинного Гомера» обстоятельно рассматривается «век героев». Автор убежден, что поэмы Гомера — неподражаемый шедевр, но породить их могло только грубое, жестокое, «героическое» время. В иные эпохи не могли бы быть созданы такие шедевры, поскольку своеобразие каждой проявляется во всем возникающем и существующем в эту эпоху, и прежде всего, в языке, правовых нормах, искусстве.

В книге четвертой «О поступательном движении, совершаемом нациями» речь идет об «эпохе людей». Здесь Дж. Вико продолжает анализ составляющих каждой из эпох и указывает на необходимую обусловленность языка, политики, права, нравов, искусства и прочего тем типом эпохи, в которой они существуют. Приведем с незначительными купюрами часть резюмирующего текста: «Соответственно этому делению нации в постоянном и никогда не нарушаемом порядке причин и следствий всегда проходят через три вида Природы, и что из этих трех видов Природы вытекают три вида Нравов, и что из этих трех видов Нравов вытекают три вида Естественного Права Народов, а соответственно этим трем видам права устанавливаются три вида

¹ *Вико Дж.* Основания Новой науки об общей природе наций. М. ; Киев, 1994. С. 44.

Гражданского состояния, т.е. Государств»¹. Далее Дж. Вико анализирует возникшие соответственно всем перечисленным этапам развития наций три вида языков и столько же видов знаков, юриспруденции, понимания права и т.д. Открытие такой внутренней взаимосвязи и взаимообусловленности составляющих каждой эпохи (или суперкультуры, по П. А. Сорокину) ставили подчас в заслугу последующим исследователям (чаще всего О. Шпенглеру); между тем в истории европейской культуры основоположником такого подхода является Дж. Вико. В подтверждение преемственности в трактовке этой проблемы приведем суждение П. А. Сорокина, что всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, существующих, но никак не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность»². Сменяются ценности — соответственно, на смену приходит другая эпоха, являющаяся составной частью цикла.

2.3. Периоды «варварства»

Настойчиво проводя мысль о неумолимом ходе истории, согласно которому все нации проходят определенные этапы развития, составляющие вместе некий цикл, Дж. Вико обращает внимание на возникающее по окончании цикла варварство, в которое впадают народы. Варварство рассматривается им как неотъемлемый период в поступательном развитии человечества. Итальянский мыслитель различает в истории человечества два варварства: первое, с которого она начинается, названо им «естественное», и его он характеризует как «варварство чувств»; второе он считает хуже первого и именует его «варварством рефлексии». «Времена Второго Варварства» — так озаглавлен первый параграф его пятой книги. Времена «Второго Варварства» лежали, по его мнению, «в еще более глубокой тьме, чем времена Первого Варварства»³, поскольку в период, последовав-

¹ Вико Дж. Указ. соч. С. 377.

² Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. С. 19—40.

³ Вико Дж. Указ. соч. С. 439.

ший за достигнутым людьми высоким уровнем культуры, жестокость отличается более искусными и тайными средствами. В эту эпоху процветает утонченный эгоизм, возникает более отчаянная и непримиримая борьба, чем это было в начале человеческой истории. Но и этот период заканчивается, и на смену ему, согласно Дж. Вико, приходит новый цикл, который повторяет этапы предшествующего, но уже в новой «окраске». Дж. Вико был очевидцем формирования второго витка, или цикла истории, начавшегося согласно его теории, после заката античности и формирующегося в русле новой религиозной культуры. Живя в отсталой по тем временам Италии, в которой свирепствовала инквизиция, он, судя по всему, надеялся на ее возрождение, аргументацией чему служит его теория о неутомимом ходе истории.

В пятой книге, последней, «О возвращении человеческих вещей при возрождении наций» Дж. Вико вводит нас в материал второго цикла, или второго круга, развития истории. Здесь осуществляется анализ тех темных веков, в которых зародилась христианская религия и, по мере естественного поступательного движения, согласно его логике, вернулись «времена поистине Божественные», т.е. начался новый виток развития наций: «За этими Божественными Временами последовали Времена Героические, когда снова вернулось различие двух до некоторой степени отличных природ — Героической и Человеческой»¹. Мыслитель дает высокую оценку наступившей эпохе людей: «Ныне как будто зрелая культурность распространилась среди всех Наций»², «повсюду Христианская Европа блистает такой культурностью, что в ней изобилуют все те блага, которые могут осчастливить человеческую жизнь не менее телесным удобством, чем наслаждением ума и души»³. Согласно установленной им логике развития истории, Дж. Вико вновь иллюстрирует этапы прохождения следующего цикла, однако делает это уже не так скрупулезно: «Первые Христианские Короли основали Вооруженные религии <...> тогда поистине вернулось то, что называли *pura et pia bella* — “чистые и благочестивые войны” героических народов»⁴.

¹ Вико Дж. Указ. соч. С. 443.

² Там же. С. 457.

³ Там же. С. 459.

⁴ Там же. С. 440.

В каждом из вернувшихся времен Дж. Вико находит схожие явления и процессы, подтверждающие повторяемость в истории. Некоторые из его объяснений кажутся весьма надуманными и необидительными, однако они вызваны желанием автора найти схожие моменты в человеческой истории. И хотя Дж. Вико, говоря о возвращении ряда вещей человеческих, формулирует свои суждения так, как будто «те же самые вещи снова вернулись во времена последнего варварства»¹, все же из приводимых им примеров ясно, что это только кажущееся сходство, что это не «те же самые вещи», на самом деле речь идет не о буквальном возвращении, а о возвращении различного. Дж. Вико приводит примеры такого рода возвращений в сфере права, собственности, форм правления и т.п. и предлагает «поразмыслить о тех параллелях, которые были проведены во всем настоящем Произведении на большом количестве материала между первыми временами и позднейшими Древних и Современных наций»². Эта связь древности и современности подтверждает неустранимую преемственность человеческой культуры и ее целостность, тем самым оказывается «разъясненной история, но не отдельная и временная История Законов и Деяний Греков и Римлян, а История, идентичная в уразумываемой сущности и разнообразии в способах развития»³. Такую историю он называет Идеальной Историей Вечных Законов, «соответственно которым движутся Деяния всех Наций в их возникновении, движении вперед, состоянии, упадке и конце»⁴.

На протяжении всей «Новой науки» Дж. Вико упорно иллюстрирует совпадения явлений и причин в развитии человеческой истории и культуры. Очень бегло им даны характеристики Индии, Китая, России, Персии, Турции, Японии, и здесь он тоже не удерживается от сравнения: «Император Японии проводит в жизнь такую Культуру, которая напоминает Римскую Культуру времен Пунических Войн»⁵. Сменяя друг друга, эпохи подтверждают неутомимый ход времени. Причем, это естественное поступательное движение, которое нации проделывают за свою жизнь,

¹ Вико Дж. Указ. соч. С. 444.

² Там же. С. 459.

³ Там же. С. 460.

⁴ Там же. С. 459.

⁵ Там же. С. 457.

лишено у Дж. Вико какой-либо ценностной окраски: у него не идет речь о прогрессе или регрессе, а лишь о бесконечной эволюции истории.

Заметим, Дж. Вико жил в тот период развития западноевропейской культуры, когда одной из отличительных черт было превознесение Порядка. Сам Дж. Вико неоднократно напоминает, что «все должно быть Порядком»¹. При всей своей критической настроенности по отношению к рационалистической философии Р. Декарта, Дж. Вико все же был человеком своего времени, и потому закономерность, упорядоченность, последовательность и жесткие причинно-следственные связи — вполне объяснимая черта, присутствующая в его концепции. Однако этот детерминизм не носит абсолютного характера, поскольку Дж. Вико обращает внимание на неравномерность развития регионов. При всей закономерности движения наций, Дж. Вико все же различает ряд регионов, которые «такого поступательного движения человеческих гражданских вещей не проделали»² — это Карфаген, Капуя и Нуманция. Тем самым его ход истории — не фатальная закономерность, а процесс, обусловленный рядом факторов, определяющую роль в которых играет человеческая деятельность.

2.4. Дж. Вико как аналитик и критик некоторых тенденций современной ему эпохи

Как уже было сказано, Дж. Вико жил вначале эпохи, впоследствии получившей название эпохи Просвещения, однако его взгляды более близки предшествующему периоду, поскольку просвещенческие идеи имеют иную «окраску». Дж. Вико не соответствовал магистральным путям своего времени. Используя современную терминологию, его можно было бы назвать маргинальным мыслителем. Так, мыслители, окружающие Дж. Вико, направляли свои усилия на поиски истины в окружающем мире, он же предлагал объяснить мир, созданный человеком, т.е. мир культуры. Для человека, по его утверждению, истиной является только то, что сделано им самим, а то, что сделано им, и есть истина. Дж. Вико считал, что *verum* (истинное)

¹ Вико Дж. Указ. соч. С. 115.

² Там же. С. 456.

и *factum* (сделанное) — взаимно конвертируемы. Этот методологический принцип, отождествляющий истинное со сделанным, стал для ученого основанием радикального разделения действительности на два мира — мир природы, сотворенный Богом, и мир гражданский (мир культуры, мир наций), созданный людьми. В учении Дж. Вико была намечена четкая граница между естественными науками, изучающими сравнительно неизменную природу физического мира, и науками гуманитарными, исследующими социальную эволюцию посредством эмпатического проникновения, для которых научно-критическое уточнение текстов — необходимое, но недостаточное условие познания.

Основной пафос излагаемых Дж. Вико идей направлен против несостоятельности многих положений картезианства как в сфере научного метода, так и в сфере философии. Дж. Вико возражает против неумолимого рвения к естественным наукам, следствием чего является небрежение законов человеческого поведения, страстей, их преломления в гражданской жизни, свойств пороков и добродетелей, типов рациональности и т.п. Отличает Дж. Вико от картезианства и отношение к прошлому, которое он склонен изучать, а не отбрасывать, с тем, чтобы выявить закономерности в минувшем, увидеть их в настоящем и предвидеть в будущем. Он убежден: новое знание складывается не в результате отказа от прошлого, а через критическое переосмысление традиции, что приводит к оживлению прошлого в интересах настоящего. В отличие от представителей рационалистической философии, приверженцев панлогизма, Дж. Вико полагал, что обществом движет не «чистый разум», а простонародная мудрость, которая содержит в себе целый спектр составляющих: воображение, фантазию, поэтичность — ценимых им весьма высоко. Картезианство же расценивало как «заблуждение» все, что не укладывалось в рамки дедуктивно-аналитической модели знания.

Дж. Вико пытался проникнуть в особенности так называемого ненаучного знания, отмечая при этом его самоценность. Он считал, что для того чтобы осуществлять целостное познание мира, созданного людьми, необходим союз философии и филологии.

Хотя «философская мудрость» для Дж. Вико бесспорно является истинной формой познания, он отдает дань и поэтическому творчеству. Соответственно им выделены две формы постижения мира: **поэтическая** и **философская**.